

МАЛОИЗУЧЕННЫЕ ТЕМЫ ТВОРЧЕСТВА М.К.ПЕТРОВА: ЗАМЕТКИ СТУДЕНТА И ЧИТАТЕЛЯ

В.П. Макаренко
Южный федеральный университет

Аннотация: В статье рассматриваются малоизученные аспекты творчества М.К. Петрова: влияние диалектики Гегеля на современную науку и научную политику, на социальную ответственность индивидов и на гносеологический кризис современности.

Ключевые слова: науковедение, петрововедение, гносеологический кризис современности.

1. Культурология или закон Жданова?

К настоящему времени обозначилось три поколения исследователей творчества М.К. Петрова. К первому принадлежат те, кто знал его лично и сотрудничал с ним. Таких людей осталось мало, но их суждения особенно важны. Иногда эти люди вообще неизвестны (особенно те, с кем он служил в разведке). Второе поколение составляют те, кто у него учился и на кого он оказал интеллектуальное и моральное влияние. Третье поколение – это те, кто только приобщается к его теоретическому наследию, оставляя в стороне духовно-нравственное значение жизни Михаила Константиновича. Состав этих возрастных когорт, отношение между ними и возникающие при этом когнитивные, социальные и моральные проблемы могут быть предметом особого анализа.

Больше всех способствовала становлению петрововедения Светлана Сергеевна Неретина. Она создала традицию разработки наследия Петрова, а также концептуальную оптику восприятия и интерпретации его творчества [См.: Неретина 1999; Неретина 2008; Михаил Константинович Петров 2010. См. также: Дубровин, Тищенко 2006]. За это ей низкий поклон и сердечная благодарность от одного из студентов Петрова – автора этой публикации.

В большинстве посвященных Петрову публикаций он квалифицируется как культуролог. Однако основатели советской культурологии (С.Аверинцев, А.Гуревич, М.Петров) разрабатывали ее для *противостояния* советскому официальному дискурсу. Современная российская культурология - дитя тоталитарной системы идеологического воздействия и выполняет (в основном) *сервильную* роль в официальном российском дискурсе. Для обозначения этих ее свойств В.Савчук ввел понятие «культурала», который ради прибыли символическо-

го капитала готов на все: «Культурал - производное системы, сети режима актуальности» [Савчук 2004: 22].

Значит, квалификация Петрова как культуролога нуждается в уточнении. Особенно с учетом того, что после смерти Михаила Константиновича его гонители стали петь ему панегирики за разработку теории культуры. И теперь ставят его в один ряд с прочими фигурантами Ростовской философской школы. О возникающей в связи с этим изжоге я говорю и пишу давно.

Теперь поясню природу несварения желудка, которое стимулирует современная российская культурология в той мере, в которой она отождествляется с официальным дискурсом. Прежде всего вызывает брезгливость ее *генезис*. А.Я.Гуревич сообщает, что в 1966 г. сталинский академик П.Ф.Юдин закончил все виды своей партийной, идеологической и дипломатической карьеры, окопался в секторе истории мировой культуры в Институте философии АН СССР и задумал четырехтомное издание «История мировой культуры». Иначе говоря, культурология возникала как элемент становления советского «научного сообщества» и место отстоя идеологических жандармов. После советско-германской войны научным работникам резко повысили заработную плату. На этой основе возникла шутка - «год великого перелома» в истории СССР имел место дважды: в 1930-м году середняк пошел в колхоз; после войны «середняк пошел в докторантуру». Стало выгодно защитить докторскую диссертацию любой ценой. Это открывало возможность занять профессорское место, дававшее привилегии и регалии. Теперь не научное призвание и способности двигали многими, но чуждые науке интересы. Этические требования в научной среде были разрушены. Кандидаты наук могли вообще не знать ничего. А докторскую диссертацию один из знакомых А.Я.Гуревича изготовил так: «оторвал корешок у своей кандидатской и заменил первую страницу, где было сказано, что это диссертация на соискание ученой степени кандидата наук» [Гуревич 2004: 127]. Сколько таких «ученых» можно обнаружить среди нынешних докторов наук, включая культурологов?

Надо учитывать, что на протяжении последнего двадцатилетия государство отказалось от серьезной поддержки науки и образования, особенно тех направлений, которые не вписываются ни в советские, ни в постсоветские шаблоны и схемы. Падение численности научных кадров в наибольшей степени захватило категорию «исследователи». Но при этом число докторов наук в целом стало больше на 27% (в сфере социально-политических наук на 26%). Наука резко «постарела». Быстро идет эпигонское освоение околонаучного или вторичного знания, о чем свидетельствует бурное размножение докторов наук среди культурологов и политологов. Для тех, кто ориентируется на работу с властями, диплом доктора наук выступает государственным знаком признания квалификации его обладателя [См.: Гудков, Дубин, Левада 2007: 57-69]. На основании своего опыта наблюдения за судьбами моих бывших студентов могу сказать: сегодня среди докторов наук уже не «середняки», а все больше мнимых отличников и реальных двоечников. В том числе и тех, кто меняет первую страницу...

Культурология сомнительна также с точки зрения *методологии*. Культурно-цивилизационный подход (далее КЦП) породил горы литературы – от школьных учебников до научных монографий и речей, претендующих на политический смысл. Реальные авторы этой продукции, а тем более те, кто пользуется услугами спичрайтеров (сегодня авторство конкретного текста установить все более трудно), пренебрегают общими свойствами КЦП: он отражает кризис исторического познания, концепции рациональности, разрыв классической и современной теорий познания, гносеологии и аксиологии; его риторика смешивает научные, мифологические и спекулятивные утверждения; радикализирует противоположные типы рефлексии, при которых история очищается с помощью понятий (культурно-исторические типы, цивилизационный процесс, мировая цивилизация и т.п.) или познание очищается процедурой понимающего описания с помощью понятий (душа, лицо, стиль культуры, текст, дискуссия, эпистема и т.д.); транслирует традиционное противопоставление фактов и

ценностей; его философские послышки размыты, отвергают идеал истинности, отличаются многозначной семантикой. КЦП - это идеология, выступающая средством рационализации и иррационализации противоречия между сущим и должным. Его познавательная функция сводится к множеству универсалистских теорий, тогда как адаптивная замыкается в смыслах отдельных культур. Поэтому семантика и семиотика КЦП дуалистичны и тенденциозны. В целом КЦП есть разновидность *сервиллизма* науки перед властью [См.: Следзевский 1997; Наука и квазинаука 2008].

Петров к сервилльному сословию никогда не принадлежал. Наоборот, он описывал феномен сервиллизма науки перед властью полстолетия назад. Позволю себе личное замечание.

Я поступал на философский факультет сознательно. С 15 лет читал философскую литературу, работал и служил в армии, долго спорил с друзьями-москвичами о выборе профессии. Примерно к двадцати годам у меня выработалось твердое убеждение: **философия есть сфера интеллектуальной независимости от окружающей среды**, но эта независимость никогда и ничем не гарантируется, требует постоянных личных усилий от каждого человека, причастного к философии. Особенно с учетом того, что в СССР существовала казенная философия. Первое представление о ней я получил на основе «Краткого курса истории ВКП(б)» - второй в моей жизни прочитанной книги. Отец штудировал ее на политзанятиях. А я на основе этой канонической советской книги учился читать и приобретать отвращение к примитиву¹.

И вот, в первую неделю учебы на первом курсе философского факультета в аудиторию вошел Михаил Константинович, начал читать курс «Этимология философских терминов». Раньше я читал о мыслителях в книгах. Теперь увидел философа во плоти. Мое смутное предчувствие философии как *праздника независимой мысли* реализовалось впервые в Петрове. Большинство остальных преподавателей философского факультета мало чем отличались от офицеров, которые вели политзанятия. С этим типом казенных пропагандистов я познакомился в армии. Политруки не могли толком ответить ни на один вопрос, который им задавали солдаты. И вообще не терпели вопросов. Еще в школе я прочел «Поединок» Куприна. Навсегда запомнил описание занятий по словесности в армии царской России и навсегда приобрел отвращение к официальному языку. В армии советской встретился с аналогичным типом сержанта и офицера. Хорошо помню, как мы хохотали, когда проводивший политзанятия капитан назвал остров Калимантан «калимандой» (в 1964 году там происходили - уже не помню, какие - политические события, о которых он нам рассказывал). Тот же тип попался в университете среди преподавателей - за исключением Михаила Константиновича и некоторых других преподавателей истории философии и логики. Сегодня уже мало кто помнит, что в преподаватели советской философии и прочих идеологических дисциплин нередко шли отставные политруки, нкведешники или проштрафившиеся пьяницы из органов КПСС. Но я пока не встречал специальных историко-социологических исследований на тему о том, насколько от этого выиграли и потеряли философия и социальные науки.

С первых дней студенчества я познакомился со старшими коллегами-пятикурсниками. От них впервые узнал, кто такой Петров. Хочу сказать им запоздалое «спасибо». Начал читать его статьи в журнале «Вопросы философии», хотя толком их, конечно, не понимал. Для меня главным с момента первого восприятия Петрова был и остался до сих пор пафос мыслителя – его *противостояние* обыденному ходу вещей, догматизму и банальности большинства людей (особенно педагогов, которых со школы терпеть не могу) и казенной советской философии. Во втором семестре первого курса я прочел статью Петрова «Предмет и цели изучения истории философии» в журнале «Вопросы философии» (1969, № 2). Из чтения этой статьи мне стало ясно, что утверждение Ленина о существовании идеализма и материа-

¹Эффект отвращения эта книга вызывает до сих пор. Моя супруга носит ее с собой на лекции, зачитывает студентам фрагменты текста, чтобы вызвать у них позыв к рвоте. К сожалению, не все студенты учатся у моей супруги...

лизма в древнегреческой философии («линии Платона и линии Демокрита») является выдумкой. Между тем такое утверждение содержалось во всех учебниках по марксистско-ленинской философии, которые я к тому времени прочел. Отсюда я сделал вывод об *отваге* Петрова. Хотя мой жизненный опыт к тому времени был небольшим, я твердо знал: нужно мужество, чтобы противостоять мнению большинства, тем более - мнению официальному.

Одновременно его статья укрепила мое отвращение к учебникам, сложившееся еще в школе. Дело в том, что я летом обычно прочитывал все учебники для следующего класса (некоторые по два раза). И когда на уроках слушал от учителей то же самое – у меня возникало к ним легкое презрение за попугайничанье. Я норовил задать вопрос, выходящий за пределы скучного учебника. Услышать что-то новое. Но редко это удавалось. Петров в своих лекциях иронизировал над учебниками по философии и укрепил это чувство. Он постоянно напоминал, что надо изучать первоисточники и не доверять учебникам. До сих пор у меня сохранилось презрение к учебникам, частично и к тем, кто их пишет. А опыт читателя привел к выводу: если в домашней библиотеке того или иного знакомого я вижу только учебники – это свидетельствует о диапазоне ума и духовной культуры владельца библиотеки.

И вот поздней весной 1969 года, студентом 1-го курса философского факультета, я пришел на обсуждение упомянутой статьи Петрова. О том, что эта акция состоится, мне сообщили приятели-старшекурсники. Именно в Ростовском университете я впервые увидел, что обсуждение научной статьи мало чем отличается от коммунальной грызни [См.: Утехин 2004], разве что философским жаргоном. Вместо солидарного противостояния спущенному сверху указанию о «проработке» Петрова его коллеги по профессии громили собрата. По возрасту они были мои отцы и деды. А по сути призывали Михаила Константиновича не выходить за пределы банальных схем учебника. Вот тут у меня возникло знакомое уже со школы чувство легкого презрения к педагогам. Навсегда запомнил филиппики большинства ростовских хвилософов по адресу Петрова. Извлек для себя правило: никогда не пользоваться диалектической риторикой. Запомнил также ответ Петрова на вопрос о «линии Платона и линии Демокрита»: «Рабской философии не было». Никогда не забуду, что на том обсуждении Петрова защищали лишь несколько его молодых коллег, с которыми я потом подружился. Рад, что они встретились на моем пути и способствовали углублению в тексты Петрова.

Короче говоря, это обсуждение отлилось у меня в образ: шавки тявкают на медведя. В школе, на уроках русской литературы, я познакомился с полицейским шаблоном поведения – «тащить и не пущать» независимую мысль. Теперь убедился, что и в университете такой шаблон существует. И даже господствует среди мэтров ростовского философского бомонда. Поэтому когда те же мэтры начали пропагандировать теорию культуры – я ее всерьез уже не воспринимал. Никогда не верил, что теория культуры может быть альтернативой официальной советской философии.

О фарсовой стороне советской философии дают представление также эпизоды из жизни философского факультета Ростовского университета. В университетском туалете кто-то разбил зеркало. Студенты тут же написали «Смотри в теорию отражения». А когда один из мэтров ростовской культурологии написал книгу «Кто ты, человечество?», студенты тут же дали ответ-граффити «А ты кто?». Нынешним студентам уже нужно разъяснять, что ленинская теория отражения входила в железный канон советской философии, а заботы мэтра ростовской философии о человечестве были навеяны стремлением попасть в ногу с очередной интеллектуальной модой.

Я думаю, что квалификация Петрова как культуролога упрощает проблему. В стороне остается вопрос о вызревании современной российской культурологии в лоне казенной советской философии и связанных с этим процессом воспроизводством советских стереотипов в отношениях между властью, наукой и философией. Позволяет ли творчество Петрова противостоять всей этой рутине, как противостоял он официальному советскому любомудрию?

Для ответа на этот вопрос продуктивно использовать квалификацию Петрова как социального философа, которую предложил А.П.Огурцов [См.: Огурцов 2012].

Пьер Бурдьё полагает, что теоретик должен вырабатывать «инструменты освобождения» от средств массовой информации как части социального контроля. Однако все социально-исторические науки пронизаны конфликтом между циничным и клиническим способом использования знания. Циничный способ – это использование знания законов функционирования среды для улучшения собственных стратегий, клинический – это использование знания социальных законов и тенденций с целью борьбы с ними. В научном сообществе преобладают сторонники первого способа использования знания.

Соотношение между клиническим и циничным способом использования знания Бурдьё называет законом Жданова: «Чем более независим тот или иной производитель культурной продукции, чем более он богат специфическим капиталом и обращен к узкому рынку, на котором клиентами являются его собственные конкуренты, тем более он склонен к сопротивлению. И наоборот: чем больше он предназначает свою продукцию для широкого рынка, тем больше он склонен сотрудничать с внешней властью: государством, церковью, партией, а в настоящее время – с журналистами и телевидением, и подчиняться их спросу и требованиям» [там же: 82-83]². Значит, **баланс между сопротивлением и сотрудничеством ученых с властью (т.е. коллаборационизмом) образует значимый предмет исследования**. Для реализации такого исследования надо написать социальную историю всех научных дисциплин в СССР и современной России. Эта задача уже выполняется [См.: Подвластная наука... 2010].

Но Бурдьё имел в виду кампанию «ждановщины», которая развернулась в Советском Союзе в 1946 году для подавления творчества Анны Ахматовой и Михаила Зощенко и оказала сильнейшее влияние на становление кетмана в лимитрофных государствах (Ч.Милош). Надо внести ростовскую коррекцию. Для этого воспользуюсь иным ходом, который мне подсказали москвичи и бывшие ростовчане. Петров в повести «Экзамен не состоялся» писал, что марксизм как источник мысли иссяк. С.С.Неретина пишет: «Наступает и момент оглядки, когда обнаружится, что труды М.К.Петрова – из числа надежных источников мысли. К сожалению, пока непосредственная реакция слабовата, хотя кто измерит степень его безмолвного влияния на философию науки, системных исследований, теории культуры?» [См.: Неретина 2010]. Я согласен со Светланой Сергеевной, но хотел бы подчеркнуть: не мысли вообще, а именно свободной мысли. И не только в космическом, так сказать, воплощении, но и в ее ростовском измерении.

Недавно опубликованы записки Виталия Семина. В предисловии к публикации Сергей Чупринин (выпускник Ростовского университета, а теперь главный редактор журнала «Знамя») пишет, что в советской провинции жилось гаже, чем в столице. Он имеет в виду Ростов-на-Дону, как раз в то время, когда здесь работал Петров. «Удушать таланты здесь умели так, что никто и предсмертного хрипа не услышит».

В записках Виталия Семина воспроизведена вонючая среда в Ростовской писательской организации. Описаны разборки персональных дел в партбюро Ростовского госуниверситета. Попутно дан портрет Ю.А.Жданова – сына сталинского идеолога, зятя Сталина и многолетнего ректора Ростовского государственного университета.

Характеристику Ю.А.Жданова Виталием Семиным воспроизведу целиком, поскольку она упущена в интересной монографии С.А.Кислицина [См.: Кислицын 2013].

«На Мечникова, 146 А, приходил Ю.А. Жданов. (Первые листы записей потеряны. — В.К.-С).

²Бурдьё имел в виду кампанию «ждановщины», которая развернулась в Советском Союзе в 1946 году для подавления творчества Анны Ахматовой и Михаила Зощенко и оказала сильнейшее влияние на становление кетмана - системы повседневной защитной лжи в лимитрофных государствах (Ч.Милош). Об этом еще пойдет речь.

...И кажется. Он иногда старался понять там, где все остальные просто чувствуют. Отсутствие чувств, чувствительности сказывается и в его языке — машинном, который легко запрограммировать, железном, фразы которого монтируются по законам металлических конструкций. Говорил он не очень интересные вещи. Я иногда подремывал, подыгрывал ему, не очень слушая. Да-да, было у меня такое ощущение, что все это я давно уже читал, а если что-то и не читал, то это что-то легко строится по законам того же прочитанного. И потихоньку мне становилось неудобно за него — в нашей компании такие самоочевидные (самоочевидные для уровня эрудиции компании, а уровень этот ведь улавливается, должен быть уловлен и не очень знакомым, но равным человеком) вещи так долго и с таким апломбом никто бы себе не позволил говорить. В качестве справки на них бы сослались, если возникла бы необходимость сослаться. А он этого не чувствовал. Он говорил: Россия — страна мелкотоварных производителей, Сталин гениально отразил психологию этого мелкотоварного производителя со всеми ее противоречиями. Труд у нас, несмотря на его коллективную природу, еще частично разобщен. Работающий на этом заводе не знает, что делает рабочий другого завода, таким образом, существуют объективные обстоятельства, при которых консервируется, сохраняется психология мелкотоварного производителя. И т.д. О том, что наше планирование — объективная необходимость, но план — это категория субъективная и может лишь более или менее приближаться к объективной реальности; о том, что планирующий орган, возникший как общественная необходимость, как необходимость, вызванная этим обществом, затем отделяется, становится категорией в себе — так еще раз, после многих диалектических переходов опять возникает противоречие, сокрытое в самой основе, — производитель частично разобщен. Сталина и отца защищал. Не то чтобы доказывал, что они во всем правы. Но вдруг, когда говорили о Сталине, рассказывал такой анекдот. На заседании комиссии по присуждению сталинских премий Сталин спросил, где Фадеев. Фадеев был в запое. Сталин походил по комнате и осведомился, где заместитель Фадеева. Заместитель был вместе со своим начальником. Сталин опять походил и сказал: “Когда древний Рим клонился к упадку, сенаторы перестали ходить в сенат и все дела передоверили вольноотпущенникам”. И Ж. засмеялся: “Правда, хорошо?” — спросил он меня. А я представил, каково было “вольноотпущенникам”, которые выслушали эту сталинскую шутку. Судя по всему, это любимый анекдот, Ж. рассказывает его уже, наверное, не меньше пятнадцати лет, но мысль о “вольноотпущенниках”, видимо, за эти пятнадцать лет ему не приходила ни разу, иначе он совсем по-другому бы рассказывал этот анекдот. И это основное качество его головы.

О Солженицыне он говорил со скрытым отвращением. О Мандельштаме сказал почему-то, что он был троцкист: “И это привело его к “сапогам”, а потом туда, где он и кончил”. Я сказал, что Мандельштам вряд ли был троцкистом, уклонистом и вообще “истом”. Мандельштам — поэт. “Да?” — сказал он без всякого интереса к судьбе Мандельштама и к тому, что кто-то, возможно, ошибся, что и привело Мандельштама к гибели. Но про “сапоги” Ж. помнил хорошо. И сейчас еще не прощал Мандельштаму такие стихи против Сталина.

Об Иване Денисовиче: “Это был дезертир. Тогда многие охотно наговаривали на себя, чтобы попасть в тюрьму и не идти на фронт. Это и есть Иван Денисович. Если хотите, Ивана Денисовича посадил сам Иван Денисович”. — “В каком смысле?” — “Представьте себе, что кто-то из героев вашей окраины выдвинулся, ему помогли, он стал у власти, и теперь в его руках сотни и тысячи жизней...” Л. сказал Ж.: “Все-таки при всей видимости правды, которая, несомненно, в этом есть, Ивана Денисовича посадил не Иван Денисович, а Иван Иванович З.”

Вот тут и возникает вопрос, что же все-таки такое — ум? Ж. — умный человек? Безусловно. Гегель, Кант, Фихте, Маркс — все это для него естественная среда, в которой он легко ориентируется. История, Идея, Противоречия, Диалектика — здесь он у себя дома. В этом доме только нет ни одного живого человека. Есть, конечно. Но это те люди, которые давно живут в этом доме. У них соответствующие квартирные условия, о жратве, именно о

жратве в ее отнюдь не философских крупных, макаронных проявлениях, они никогда не думают. Ибо это как раз те философы, у которых все есть, которым всего хватает. Иногда они интересуются людьми, которые находятся за порогом этого дома. Но поскольку мир из дома Идеи, Истории (во всех его противоречиях, разумеется, это тоже сюда входит) в общем-то логичен, прекрасен (диалектически, разумеется), то и люди за пределами дома кажутся уже не столько людьми, сколько логическими, историческими категориями, массой, массовидными материалистами и т.д. Если же они отвергают логику, протестуют (стихийно, разумеется), то что же — тогда это просто неразумное Броуново движение, надо ввести его в русло. Полное отсутствие сочувствия к человеку. К маленькому человеку из плоти. Вот что это такое. Эти люди из дома Идеи охотно рассматривают все точки зрения. Одной точки зрения у них нет — той самой, которая идет от сочувствия, от кожного понимания, что такое бедность, труд, забота, тяжесть.

Было бы сказано не все, если бы не упомянуть, что Ж. иногда заискивал, смущался, хотел выглядеть демократом, шарахался, когда возникала опасность, что его объединят со Сталиным. Хихикал он иногда, и было жалко на него смотреть. Он не ожидал такого напора. Потом он читал стихи. Потом ушел. Встал с кресла и пошел. Человек очень маленького роста, в костюме изумительного материала, который никогда не найдешь в магазинах» [Семина 2009].

Записки Виталия Семина подталкивают к мысли: надо описать действие закона Жданова не только в сфере художественного творчества, но и в естествознании, философии и социальных науках; и не только в столице, но и в «южном, пыльном, базарном городе» (по характеристике Сергея Чупринина) Ростове-на-Дону, в котором прошла большая часть жизни Михаила Константиновича Петрова. Таково одно из направлений анализа его творчества в контексте социальной истории.

2. Взбесившиеся знаки и практикующие гегельянцы

В прежних публикациях я детально описал спор между М.К.Петровым и Э.В.Ильенковым [См.: Макаренко 2010]. Для разрешения этого спора надо занимать определенную позицию по множеству философских проблем. Каждая из них не имеет однозначных решений. Такова общая суть любого философского спора. Поэтому я согласен с С.С.Неретиной, что в состав такого спора входит «...интеллектуальное напряжение, доходившее до срыва горла» [Неретина 1999: 51]. Действительно, Ильенков обвинял Петрова в скрытой религиозности, одновременно полагая спасение системы воспроизводства от разрушения новым делом Христа. Было ли это простой оговоркой?

«Срыв горла», о котором пишет Неретина, охватывает все пункты расхождения взглядов Ильенкова и Петрова. Петров отмечал, что любая философия, включающая кроме человека и природы «взбесившиеся знаки» вроде Бога, Истории, Логики, Закона и ставящие их над человеком, неизбежно уходит в область теологии [Петров 1996с: 348]. Но ведь вся история мысли сводится к рефлексии об этих «взбесившихся знаках». Они входят в структуру философского мышления. Присутствуют и в споре между Петровым и Ильенковым. Значит, спор до сих пор не потерял остроты: «Истина ничего не пробивает собственными силами, - пишет Петров, - их у нее нет, нужны люди, чтобы пробить дорогу истине, а это удастся не всем и далеко не всегда» [Петров 1996б: 364]. Высказанные Ильенковым и Петровым точки зрения незримо присутствуют и в нынешних дискуссиях. Не следует ли в таком случае согласиться с моралью песни «Две дороги – та и эта»? Какая из них была «прекрасной, но напрасной»? Пробил ли спор дорогу истине?

В отличие от Ильенкова Петров отрицательно относился к системе Гегеля. Здесь он не был оригинален – во всех советских учебниках по философии сообщалось, что система Гегеля есть объективный идеализм – некая второсортная философия по сравнению с диалектическим материализмом. Но Петров отвергал также диалектический метод Гегеля, что противосто-

речило оценкам Маркса и Энгельса. Данный аспект наследства Петрова не изучен. Сделаю предварительную реконструкцию идей Петрова, относящихся к теме.

В 1970-76 гг. Петров написал три статьи, ни одна из которых не была опубликована при его жизни. В этих статьях он анализировал три крупных проблемы: влияние диалектики Гегеля на современную науку и научную политику, на социальную ответственность индивидов и на гносеологический кризис современности. Общее резюме Михаила Константиновича в отношении данных проблем звучит так: любые варианты гегельянства создают проблему фетишизма.

Но весьма показательно то, что Петров высказывал такую оценку Гегеля при анализе предельно конкретной и острой проблемы взаимосвязи между научно-техническим прогрессом и существованием государств [См.: Петров 1996а: 371-379]. Действительно, авторитет науки падал по мере ее связи с государственной политикой на протяжении всего XX века. И это несмотря на то, что все важнейшие приложения науки произошли именно в XX веке. Число государств за это же время увеличилось в четыре раза. Каждый читатель может сделать свой вывод и выбор в отношении актуальности данного фрагмента наследства Петрова. Включая ситуацию, в которой находится российская наука на протяжении последней четверти века.

Петров определял систему Гегеля как философию для школьников и студентов, как основанный на теоретическом отчуждении знаковый фетишизм (в виде Нравственного прогресса, Абсолютного духа, Колеса Истории, Логики). Гегель постоянно толкает к стеллажу истории. Но его ссылки на вовремя приходящую истину бессмысленны. Истина никогда не приходит вовремя, всегда опаздывает, даже научное сообщество к ней не готово. Всеобщий разум у Гегеля превращается в воинствующего цензора и помеху новым истинам. У Гегеля разум посажен в «саморазвивающуюся клетку» тождества объективного и нравственного. Система Гегеля является теологической.

Проблему движения от незнания к знанию философия Нового времени получила в наследство от теологии. История духа – это процесс выявления мудрости божьей через познающую деятельность духовных, богодухновенных, осененных благодатью духа святых служителей церкви. Но метафора «научного поступательного движения» постоянно встречается и в современных исследованиях по науковедению, лингвистике, информатике, документалистике. Она некритически заимствована у Гегеля и потому непродуктивна, как и все абстракции.

По мнению Петрова, преемственность можно понимать активно-телеологически и пассивно-инерционно. В первом случае предполагается, что данное состояние системы научного знания целиком определяет будущие состояния системы в соответствии с началом или имманентной целью. Феномен «научного поступательного движения» у Гегеля можно объяснить только в рамках пассивно-инерционной интерпретации преемственности. «Научное поступательное движение» реализуется в научной политике государства, в которой наука выступает основным объектом административных, организационных и обеспечивающих усилий для стимулирования ее развития.

Кроме того, тексты Гегеля выполняют роль эзотерического языка философского сообщества [См.: Петров 1996d: 380-403]. Петров описал следующие недостатки данного языка: въедливость понятий, отбрасывание всех содержательных негаций, агрессивность; на гегелевском языке невозможно ставить и решать таймированные социальные проблемы; этот язык пренебрегает конечным, смертным, единичным существованием и его пространственно-временными определениями; способствует «развалу вселенной»; все направляет вниз, в абстрактную пустоту начала; содержит вселенскую лень, переносит ее на общество, логику и историю; превращает парадигмы естественных наук и наличные знаковые системы в абсолюты и фетиши; отождествляет философскую, теологическую и научно-дисциплинарную вечность, которая пылится на книжных полках.

Петров считал современных ученых *практикующими гегельянами*, которые: не любят говорить о глубине дисциплинарных вечностей, времени их начала и конца; веруют во всеислие научного метода; в модельно-математическом фанатизме сближаются с логико-субстанциальным фанатизмом Гегеля; видят в естественно-научных дисциплинах идеал научности и конечную цель познания; слепо копируют образцы глубоководной исследовательской техники на мелях социологии, лингвистики, психологии. Это вызывает гносеологические кризисы.

Петров считал, что в центре современного кризиса находятся проблемы природы социальности и глубины дисциплинарной вечности социальных наук.

Проблема природы социальности состоит в альтернативе:

1. Социальные институты признаются божественными или естественными. Это ведет к отождествлению познавательных позиций в естественных и общественных науках. В результате человек освобождается от ответственности за состав, способ функционирования, свойства, изменения социальных институтов (по аналогии с законами природы и физиологии).

2. Социальные институты не признаются естественными или божественными, что предполагает активное вмешательство в их деятельность: «В этом случае человек ответственен за социальность ровно настолько, насколько к ней приложима ... позиция активного вмешательства» [там же: 395].

Выбор одного из членов альтернативы принадлежит живущему поколению людей. Оно выступает в нескольких ролях: уподобляется предшествующему поколению в процессах воспитания; выступает наследником созданной предшественниками «суммы обстоятельств»; критически оценивает наследство; ищет пути к его изменению в соответствии с собственными представлениями о должном; формирует будущее поколение по собственному образу и подобию. Поэтому определение знаковых структур должно учитывать поколенческую проблематику гносеологии.

Проблема глубины дисциплинарной вечности в общественных науках возникает в контексте *противоречия* между наукой и политикой, научной и административной процедурами принятия решений, линейным и нелинейным мышлением. Для социальных наук не имеет силы концепт фундаментального знания. Если это не учитывается, социальные науки эманерируют социальную инерцию.

Для аргументации этого принципиального вывода Петров описал специфику линейного и нелинейного мышления, три фазы «настоящего-будущего», различия познавательных установок представителей линейного и нелинейного мышления. Всю эту проблематику он рассматривал в контексте общего вопроса: отличается ли предвидение в области социальных явлений от предвидения в области природных феноменов? На вопрос возможны два ответа:

1. В духе линейного мышления, которое может принимать форму естественнонаучного или гегелевского истолкования социальности. В этом случае предполагается, что мы мало знаем о социальных явлениях и о законах развития общества. Если бы знали, то могли бы предвидеть социальное будущее с такой же точностью, как в естественных науках предвидят поведение природных объектов. В результате социальные науки стоят на песке: их предмет редуцируется до библейских абстракций-констатаций (типа «всяк живущий да яст»), любые прогнозы и планы эманерируют социальную инерцию и препятствуют решению таймированных проблем.

2. Нелинейное мышление базируется на посылке: инерционные и обновляющие моменты в социальных явлениях нельзя интерпретировать в естественно-научных терминах (инерция, репродуктивность) и случая (отклонение, обновление). В этом случае главные усилия должны направляться не на поиск фундаментального знания, а на оперативное информационное обеспечение процесса выработки решения по таймированной проблематике.

Различие между линейным и нелинейным мышлением Петров иллюстрировал примерами. В XX веке сложились определенные тенденции роста национального дохода, численно-

сти населения и ученых, долголетия, расходов на науку, лага подготовки научных кадров, лага публикации. Если прогнозировать «лик будущего» по этим переменным, то уже в начале XXI века начнется плотная область *абсурдных событий*. Например, к 2020 г. на науку пришлось бы тратить более двух третей национального дохода, число ученых превысило бы численность населения, а численность студентов на порядок бы превышала численность ученых, лаги подготовки научных кадров и публикации превысили бы средние значения долголетия, «...то есть всем пришлось бы заниматься тем, чем никому не дано было бы заниматься на этом свете» [там же: 399]. В том же году численность любого среднего города превысит численность населения страны, все города по концентрации выхлопных газов превратятся в душегубки, автомашин будет больше, чем людей, а ездить они будут на выжженном в предыдущем десятилетии бензине.

В соответствии с этими посылками Петров разработал концепт «настоящего-будущего», в состав которого входят:

Мертвая зона социальной инерции охватывает 5-20 лет от любого пространственно-временного параметра. В этот период пространства-времени человек бессилён что-либо изменить в течении событий. Зона социального творчества связана с реализацией принятых сегодня решений. В этой зоне идет постоянная борьба между квазиинформацией (порождаемой опытом, естественными науками и всеми формами фетишизма) и релевантной информацией, которая не существует сегодня, но появится в конце мертвой зоны. Эту информацию невозможно включить в процесс теоретической и информационной подготовки решений из-за ее отсутствия. Зона конечных целей – нынешних абсолютизированных представлений о благе, лучшем из возможных миров и оптимуме. Это зона абсолютов, основанных на изучении наиболее устойчивых свойств человеческой природы и условий их социальной реализации.

Различия познавательных установок линейным и нелинейным мышлением сводятся к трем пунктам:

Линейное мышление понимает социальную систему как вариант естественной и сводит различия между естественными и социальными объектами к степени сложности. Согласно такой установке, ученый должен открывать фундаментальное знание, а не поднимать руку на реальность. Нелинейное мышление отбрасывает любой социальный презентизм, видит в любых социальных системах человеческое творение, которое можно изменить и переделать усилиями человека, рассматривает общество с точки зрения наследника, а не ученого-естественника.

Линейное мышление сводит предвидение к логической процедуре вывода будущих состояний системы из наличного состояния. Эта процедура опирается на социальную инерцию. Нелинейное мышление занято поиском эвристического смысла выхода на таймированные проблемы и оценки меры их таймированности.

Линейное мышление при описании социальной системы исключает каузальность, опирается на некоторый набор переменных и на тенденции как историю значений этих переменных. Нелинейное мышление описывает социальную систему как точку отталкивания и объект сознательной перестройки.

Система и метод Гегеля, а также естественнонаучный подход к реальности являются гносеологическими опорами линейного мышления и потому создают еще одну таймированную проблему. Петров отмечал также, что вечности существуют в виде сакрализованного пространства, времени, массы, стоимости, монотонность которых позволяет выкраивать из них универсальные системы единиц и соответствующие шкалы измерений. Общий смысл процедуры перевода нового в наличное всегда один и тот же: новое опосредуется смыслом наличного, получает смысл и переходит в наличное, а наличное модифицируется [там же 404-413].

Общий вывод Петрова однозначен: система Гегеля и естественнонаучное восприятие социальной реальности блокируют любые революционные изменения; в рамках учения Гегеля и естественнонаучного подхода к обществу проблема социальной ответственности не существует. Этой установке он противопоставляет три основных тезиса: социальная ответственность реализуется в актах революционной практики; срыв любой преемственности есть монополия живущего поколения людей; социальная система есть точка отталкивания и объект сознательной перестройки.

3. Ловцы душ и рабочая гипотеза

Позиция Петрова в оценке Гегеля противоречила гегельянскому тренду в советской философии, который сохранился до сих пор. Приведу несколько примеров.

С.Н.Корсаков считает, что А.М.Деборин *правильно* понимал метод материалистической диалектики и точно квалифицировал взгляды «механистов» как позитивистские. Из этой посылки Корсаков выводит следствие: задачи соратников А.М.Деборина в 1920-е гг. и задачи анализа диалектики «Капитала» 1950-х-1960-х гг. в трудах А.А.Зиновьева, Э.В.Ильенкова, В.А.Вазюлина были *аналогичны*: «Исследования диалектики «Капитала» 1950-1960-х годов были наиболее ярким проявлением трудного возрождения творческой философской мысли и стали своеобразным советским вариантом неомарксизма. Во многом они были новаторскими по сравнению с западными аналогами. Но документы показывают, что ренессанс творческого диалектического марксизма мог состояться на отечественной почве значительно раньше. Соратники А.М.Деборина были людьми убежденными, теоретически подготовленными и талантливыми. Все это могло бы состояться, если бы процесс не был насильственно прерван, а философы физически уничтожены» [Корсаков 2009: 107].

Если принять такой способ рассуждения, то предположительное возрождение творческого марксизма в СССР (за которое ратовали многие официальные советские философы) связывается *только* с определенной интерпретацией философии Гегеля, против которой так раз резко выступал Петров. Значит, следует признать, что гегельянское движение 1950-1960-х гг. не было оригинальным (поскольку оно заимствовало идеи у советских философов 1920-х гг.). Это может быть также косвенным доказательством иного понимания философии Маркса, которое предлагал Петров, отвергая его гегелевскую интерпретацию.

Одновременно Корсаков приводит ценный эмпирический материал, позволяющий продвинуться в ином толковании гегелевской диалектики. Группа «диалектиков» под руководством Деборина в 1920-е гг. готовила для ЦК ВКП(б) обзоры о положении философии в СССР. На проверенных марксистов возлагалась обязанность отслеживать «идеологические диверсии» в Советском Союзе. Но у Деборина и его соратников был свой интерес, связанный не только с борьбой против идеалистов, но и против тех, кто иначе, чем они, понимали марксизм³. По форме обзоры были информацией, а по сути - попыткой использовать политические рычаги в борьбе с оппонентами. Все это привело к тому, что в советской философии «...форма сольется с сутью и журнальную статью, докладную записку и донос в НКВД будет уже невозможно отличить друг от друга» [там же: 113].

Иначе говоря, руководство СССР и группа диалектиков Деборина стремились к полному идеологическому контролю за философской продукцией. Эти бюрократические документы были инструментом философской борьбы. Отсюда вытекает вопрос, который я хотел бы задать последователям и исследователям Ильенкова: нельзя ли квалифицировать его маргиналии на рукописи Петрова как отдаленное следствие интериоризованного идеологического контроля, в котором автор маргиналий не отдавал себе отчета?

³«В посылаемых в ЦК ВКП(б) обзорах философских дискуссий можно было представить своих философских противников-марксистов как ревизионистов, которые должны быть разгромлены не только идейно, но и организационно». [Корсаков 2009: 112].

При этом надо учитывать, что гегельянское толкование марксизма не индифферентно к стремлению запрячь философию в государственную телегу. Г.С.Батыгин и И.Ф.Девятко показали, что советская философия – это «интеллектуально-идеологический монстр» - «советское инобытие Идеи», если использовать гегелевский жаргон [Батыгин, Девятко 2009: 196]. Ее основным вопросом было не отношение мышления к бытию (как писали в учебниках по философии), а вопрос о власти. В Академии наук СССР философское отделение всегда воспринималось как политотдел, которого боялись специалисты. Среди московских обществоведов шла тихая, но безжалостная война за доступ к власти в философии. В университетских городах тоже были свои «главные философы», в том числе в Ростове. В мае 1944 г. история русской философии превратилась в идеологически опекаемую и политически ангажированную область науки. Это запустило механизмы размывания структуры и этоса академической науки, которые проявились в экономической, философской, биологической и исторической «дискуссиях». Молодые искатели карьеры в философии переместились в область исследований, обеспеченную политической и идеологической поддержкой. К тому времени обычный (т.е., длительный) цикл академической социализации уже был разрушен. Вертикальная мобильность резко возросла. Такая ситуация сложилась в результате «выбывания» специалистов после систематических чисток и разоблачений [там же: 213].

В советской философии под дискуссиями понимался обмен обвинениями, отражающий столкновение борющихся группировок. Советская «разумная действительность» была представлена диаматом красных профессоров (вроде М.Б.Митина). После философского погрома 1930 г. и послевоенных дискуссий определился исход конфликта между советскими «умниками» и «идеологами» - в очередной раз победила глупость: «Умники» как будто существуют только для того, чтобы быть битыми. Может быть, в этом проявляется русская самобытность?...» [там же: 231].

А.Н.Дмитриев подчеркивает, что в России на рубеже XX-XXI вв. опять возрос спрос на марксизм в пределах отечественного интеллектуального рынка [См.: Дмитриев 2004: 492]. Поэтому Дмитриев разработал аппарат для анализа философской самобытности в ее советской форме. Центром внимания Дмитриева является круг интеллектуалов от Г.Лукача и К.Корша до создателей «критической теории», объединенных вокруг Франкфуртского института социальных исследований. Все они были последователями диалектики Гегеля.

В итоге анализа Дмитриев приходит к выводу: в XX в. не существовало ни единого («аутентичного») марксизма, ни его «превращений» и «перетолкований». Этот вывод он подтверждает анализом мысли и деятельности выдающегося революционного гегельянца Г.Лукача. Однако при оценке гегелевской диалектики следует поразмыслить над фактом: даже выдающиеся гегельянцы (типа Лукача) «примирились с действительностью» сталинского социализма в СССР. Характерное свойство гегельянцев - переплетение философского и критического анализа высочайшего типа с грубейшим преклонением перед меняющимися распоряжениями высшего уровня партийной бюрократии: «Лукач возвел на высочайший уровень теорию всемогущего ЦК» [там же: 212].

С.Земляной тоже проводит параллель между ситуацией в советской философии в 1920-е гг. и движением возрождения диалектики 1950-60-х гг. на основе нового прочтения «Капитала». Он полагает, что в статьях Э.Ильенкова «Идеальное» и «Превращенная форма» М.Мамардашвили в советской «Философской энциклопедии» воспроизведены точки зрения Лукача и Корша. С.Земляной считает историю марксизма в XX веке историей упущенных возможностей. Одной из них является игнорирование достижений гегельянца Лукача в книге «История и классовое сознание». С.Земляной понимает диалектику как теорию тотальностей, как развитие идей антропологизма и отчуждения в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркса. С.Земляной считает Лукача гениальным марксистским теоретиком XX века, основоположником «неомарксизма». По его мнению, идеи Лукача стали опять актуальными. Россия не пережила бум популярности работы молодого Лукача «История и

классовое сознание», характерный для развитых стран в 1960-70-е гг. Поэтому С.Земляной предлагает рассматривать книгу Лукача в контексте современной ситуации в России, отталкиваясь от факта: в российском политическом пространстве отсутствует левое измерение: «Только потому, что Маркс последовал ложному примеру Гегеля, - пишет Земляной, - и исключил этическое измерение из своей концепции практики или, точнее говоря, «снял» этику в своем понимании практики, это имманентное противоречие марксизма не было замечено его интерпретаторами. Лукач в своих текстах предлагает захватывающей чередой несколько способов разрешения данного противоречия: посредством распространения на практику критериев этически безукоризненного поступка индивида; путем совмещения в философско-исторической перспективе политически правильной тактики и этически безупречной этики революционной деятельности; посредством выдвижения такой трактовки переходного периода от капитализма к социализму, которая предусматривает совмещение свободы с необходимостью в классовой морали класса-мессии, спасителя человечества и превращение свободы в движущую силу развития ассоциированного человечества, то есть – «власть морали над институтами и экономикой, над государством и рынком» [См.: Земляной 2003: 62].

С.Земляной считает, что в марксизме существует коренное противоречие между политикой и этикой. Для разрешения этого противоречия Земляной предлагает соединить марксизм с веберизмом на основе идей Лукача. По его мнению, в состав «веберовского марксизма» входят определенные источники (прежде всего «История и классовое сознание» Лукача), а также позиции Вебера в области методологии, теории общества, теории истории, критики культуры. Генеральная идея Вебера о рационализации как основополагающей черте западной цивилизации связана с проблемой овеществления, которая определяет композицию «Истории и классового сознания».

Здесь надо напомнить, что мысль о противоречии между политикой и этикой в марксизме была высказана более сотни лет назад в австро-марксизме, но ни к каким особым теоретическим достижениям она не привела. Эта проблема поставлена Макиавелли, присуща всей европейской цивилизации, и марксизм никакого приоритета в ее решении не имеет [См.: Берлин 2001]. Одновременно надо учесть, что Петров резко критиковал любые варианты рационализации, рассматривая их как вырождение творчества. Значит, оценка Гегеля Петровым остается актуальной для критики гегелевской интерпретации философии Маркса. Однако Петров выбивается из общей тенденции послевоенной советской философии. Он никогда не стремился превратить философию в средство карьеры, к идеологической опеке над философией и ее политической ангажированности относился отрицательно.

Свое отношение к линии Гегеля-Маркса я излагал многократно – при обсуждении проблем различия между гегелевским и марксовым подходом к государству и бюрократии, философии истории и русской власти, аналитической политической философии, и здесь не буду повторяться. Отмечу только, что все предметы спора и позиции в нем, по сути, остались неизменными в современной российской философско-исторической мысли. Замена монизма дуализмом, а формационной парадигмы цивилизационными концепциями ничего не изменила [См., например: Ахиезер 1992; Следзевский 1997; Зверева 2003]. Значит, концепция Петрова остается важным средством для возврата к этой проблеме, поскольку Петров отвергал любые «решенные вопросы».

Еще раз напомню выводы Петрова. Любые варианты гегельянства создают проблему фетишизма. Анализ любых вариантов практического воплощения гегельянства является предпосылкой критического отношения к естественнонаучному подходу к действительности, а также к государственной политике в области науки. Общественные науки возникают в контексте противоречия между наукой и политикой, научной и административной процедурами принятия решений, но не в состоянии разрешить это противоречие. Поэтому анализ любых вариантов практического воплощения гегельянства, включая знаковые (и родственных ему методологических ориентаций) является предпосылкой критического отношения к госу-

дарственной политике в области науки. И наоборот: анализ государственной политики в области науки является эмпирическим материалом для опровержения системы и метода Гегеля. Иначе говоря, философия Гегеля остается актуальной как оселок, на котором можно точить критическую бритву в отношении любых форм фетишизма. В этом смысле критика Гегеля Марксом, Петровым и другими мыслителями остается актуальной, поскольку в современной России есть сторонники Гегеля и неомарксизма [См., например: Мареев 2008]. Наследство Петрова можно использовать как для критики Гегеля, так и всей гегелевской традиции, включая ее автохтонное, советское и постсоветское воплощение (я имею в виду взгляды И.А.Ильина, А.Кожева и иных модных нынешних философов-гегельянцев).

Таковы общие теоретические посылки моей рабочей гипотезы. Теперь приведу личное воспоминание: из лекций Петрова навсегда запомнил его ответ на один из моих вопросов: если вы опираетесь на факты, то факт должен быть, как глыба. Глыбой может служить факт: гегельянец Лукач был связан с советской разведкой по линии Коминтерна, выполняя при этом роль «ловца душ», а не разведчика или агента [См.: Дмитриев 2004: 452]. Значит, ловля душ входит в состав не только религии, но и разведки. Здесь можно сослаться на полковника Лоуренса, который тоже ловил арабские души, учил их взрывному делу и партизанскому движению, хотя к гегельянству никакого отношения не имел. Я предлагаю рассматривать факт связи Лукача с советской разведкой на фоне свежих постсоветских констатаций.

Вот бывший диссидент Г.Павловский в предисловии к книге Н.Н.Козловой пишет: «Советское попросту отделилось и освободилось от ностальгии по СССР. И вырисовывается сокровище советской цивилизации, которое предстоит оценить. Они здесь, ее чеканы и образцы уже не выскоблить из опыта будущего человечества... Советская проблема возобновляется как проект справедливого глобального руководства, основанного на знаниях. Советский Союз – общемировой клад социальных, государственных и экзистенциальных моделей... Всякая государственная система в России, какой бы та ни была, будет основана на советском фундаменте, и работать будет с вечной библиотекой советских национальных и культурных образцов» [Козлова 2005: 3-5].

Такой ход мысли известен давно: «лучший из миров» расположен в своем хуторе; а то, что было вчера, лучше того, что есть сегодня; поэтому СССР лучше России. Этот пример лишний раз свидетельствует о популярности линейного мышления, отвергаемого Петровым, и об актуальности идей Петрова (как любят писать диссертанты). Но почему бывший диссидент, а теперь - кремлевский политолог - написал предисловие к исследованию покойной Наташи Козловой? Как известно, диссиденты, а вслед за ними и большинство нынешних российских журналистов квалифицируют советских людей как Homo soveticus. Н.Н.Козлова с этой тенденцией не согласна. На основе анализа «Народного архива» (дневников простых советских людей) она описала ментальную карту типов советских людей:

Бессознательный нигилист после революции срывал иконы, потом поумнел - стал читать Библию. *Верноподданный офицер* после войны читал лекции на тему «Роль т.Сталина в организации ремонта бочек на фронте». *Профсоюзный деятель* с полностью атрофированной социальной памятью. *Председатель колхоза* – ярый сталинист. *Осведомитель НКВД* носил подмышкой «Диалектику природы» и «Капитал», чтобы производить впечатление на окружающих. Но текстов классиков марксизма так и не осилил. Под культурой понимал покупку костюма, мандолины и часов, чтобы «погулять с ними с форсом». *Тупоголовый партийный и профсоюзный работник*, который жил и мыслил в языке советских плакатов. *Простая женщина*, для которой письмо «наверх» и Отчечаш выступали в одной функции: как взывание к Богу. *Жертва режима* (жена заключенного, затем художница) стала элементом советского истеблишмента, клепала портреты советского великого кормчего как «самый ходовой товар». *Бывшие люди* (сложившиеся до 1917 г. деятели искусства - М.Булгаков, М.Горький, К.Чуковский, Л.Сейфулина, Б.Пильняк, П.Корин, Д.Шостакович, А.Толстой и пр.) – славили советскую власть за деньги, дачу, квартиру. *Молодежь периода «застоя»* превратила труд в

абстрактную категорию, а досуг – в главное пространство общения. *Дети советской номенклатуры* - новые буржуа, писатели, художники [Козлова 2005: 104, 217, 328, 360-361, 420].

Моя гипотеза будет чисто классификационной. Я предлагаю воспользоваться учением о базисе и надстройке, которое излагалось в советских учебниках по философии. Базисом пусть будут одиннадцать типов советских людей. Обращаю внимание: советские «чеканы и образцы» состоят преимущественно из малых и больших начальников, их бессловесных рабов и идеологической обслуги. В их состав входит осведомитель НКВД, который привлекает внимание людей книгами классиков марксизма. А надстройку обозначить типами советских философов по типологии Л.Столовича.

Твердолобый ортодокс уходил от острых вопросов и дискуссий на любую тему, пользовался поддержкой «инстанций», был защищен от любой конкуренции.

Образованный ортодокс, для которого марксизм был внутренним убеждением и источником конфликтов с идеологическим начальством.

Циник, не имеющий никаких убеждений, использовал любые концепции и интеллектуальные моды в единстве с административными рычагами для собственной карьеры.

«*Бравый солдат Швейк*» верил в марксизм, знал зарубежную литературу. Однако его стремление переосмыслить официальную идеологию и связанные с ней концепции в системе социальных наук всегда наталкивалось на противодействие внутри самого «научного сообщества» [См.: Столович 1997].

В результате получим сеть для описания антропологических типов постсоветской философии. Во внешней политике СССР диалектик Лукач выступал «ловцом душ», а во внутренней политике ту же роль выполняли книги классиков марксизма, которые таскал с собой осведомитель НКВД.

Чтобы связать внутреннюю политику с внешней, послушаем выводы Н.Н.Козловой. Самое главное, считает она, эти люди готовы были все *простить* государству в любой момент: «И этот момент прощения, восстановления попорченной было чести (отмена раскулачивания, возвращение отобранных избирательных прав, получение паспорта, проскальзывание на рабфак и тем более в вуз) для многих, вероятно, был переломным моментом в жизни, после которого они, благодарные, начинали этому государству служить – конечно, с разной степенью истовости» [Козлова 2005: 486].

Итак, новая ментальная карта типов советских людей, которую предложила Козлова, воплощает старую гегелевскую идею о *тождестве* государства и типов людей. Правда, Гегель ограничивал это тождество формами политического мышления, но они имеют свой социально-экономический аналог. По мнению прусского государственного философа, политическим умонастроением или патриотизмом обладают носители собственности и природной нравственности, т.е. земледельцы. Корпоративным духом обладают представители сословий (профессий), а государственным разумом чиновники. Все эти формы политического мышления образуют предпосылку «разумного государства». Поскольку советское государство распалось, можно ли его считать «разумным»? При любом ответе следует учитывать готовность сохранившихся типов советских людей и их наследников все простить государству.

Вдумаемся в этот вывод. Если человек незаслуженно нанес нам вред – мы используем необходимую оборону. И не только кровная месть, но и уголовный кодекс на нашей стороне. Если же нас обидели государевы люди – мы обязаны им прощать, а не привлекать к ответственности. Парадокс в том, - отмечает Н.Н.Козлова, - что советский модерн – это аппарат надзора и монополия государства на средства насилия. Социальные технологии повседневного сопротивления ведут к службе государству. В постсоветской России происходит постоянная регенерация таких стратегий [Козлова 2005: 471-486].

Можно ли на основе этих фактов заключить, что диалектика может быть важным средством «уловления душ» в рамках шпионской профессии вне и внутри страны, а также реге-

нерации советских типов людей, включая город Ростов-на-Дону? Таков один из конкретных вопросов, вытекающих из полемики между Ильенковым и Петровым.

- Ахиезер А.С. 1992. *Россия: критика исторического опыта*. Т.1-3. - М.
- Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. 2009. Трудные послевоенные годы. - *Наш философский дом : К 80-летию Ин-та философии РАН*. - М.
- Берлин И. 2001. Оригинальность Маквивелли. - *Человек*. - № 3-5.
- Гудков Л., Дубин Б., Левада Ю. 2007. *Проблема «элиты» в современной России: размышления над результатами социологического исследования*. - М.: Фонд «Либеральная миссия».
- Гуревич А.Я. 2004. *История историка*. - М.: РОССПЭН.
- Дмитриев А.Н. 2004. *Марксизм без пролетариата: Георг Лукач и ранняя Франкфуртская школа 1920-1930-е гг.* - СПб.; М.: Изд. Европ. ун-та в Санкт-Петербурге; Летний сад.
- Дубровин В.Н., Тищенко Ю.Р. 2006. *М.К.Петров: два эпизода и вся жизнь*. - М.; Ростов-н/Д.: Март.
- Зверева Г. 2003. «Присвоение прошлого» в постсоветской историософии России: дискурсивный анализ публикаций последних лет. - *Новое литературное обозрение*. - № 1/59.
- Земляной С. 2003. История, сознание, диалектика. Философско-политическая мысль молодого Лукача в контекстах XXI века. - Лукач Г. *История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике*. - Перевод, предисловие С.Н.Земляного. - М.: Логос-Альтера.
- Кислицын С.А. 2013. *Юрий Жданов: рядом со Сталиным, Шолоховым, Ильенковым... «В вечных скитаниях, вечных борениях...»*. - М.: Книжный дом «Либроком».
- Козлова Н.Н. 2005. *Советские люди. Сцены из истории*. - М.
- Корсаков С.Н. 2009. Становление Института философии и судьбы философов при сталинском режиме. - *Наш философский дом. К 80-летию Института философии РАН*. - Ред. Гусейнов А.А. и др. - М.: Прогресс-Традиция.
- Макаренко В.П. 2010. Социокультурный фон исследований М.К.Петрова: проблема освоения и разработки. - *Михаил Константинович Петров*. - Под ред. С.С.Неретиной. - М.: РОССПЭН.
- Мареев С.Н. 2008. *Из истории советской философии: Лукач-Выготский-Ильенков*. - М.: Культурная революция.
- Михаил Константинович Петров*. 2010. - Под ред. С.С.Неретиной. - М.: РОССПЭН.
- Наука и квазинаука*. 2008. - Под ред. В.М.Найдыша. - М.: Альфа-М.
- Неретина С.С. 1999. *Михаил Константинович Петров. Жизнь и творчество*. - М.: УРСС.
- Неретина С.С. 2008. Социокод философии (о философских работах М.К.Петрова). - *Вопросы философии*. - № 10.
- Неретина С.С. 2010. От редактора // *Михаил Константинович Петров*. Под ред. С.С.Неретиной. - М.: РОССПЭН.
- Огурцов А.П. 2012. Эквивиальность и человекоразмерность: опыт ретроспективного анализа. - *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*. - № 2. Доступ: <http://politconcept.sfedu.ru/2012.2/08.pdf>.
- Петров М.К. 1996а. Диалектика Гегеля и феномен «научного поступательного движения». - Петров М.К. *Историко-философские исследования*. - М.: РОССПЭН.
- Петров М.К. 1996б. Кант – свобода, история, наука. - Петров М.К. *Историко-философские исследования*. - М.: РОССПЭН.

Петров М.К. 1996с. Кант и специфика философского знания. - Петров М.К. *Историко-философские исследования*. - М.: РОССПЭН.

Петров М.К. 1996d. Логический фетишизм Гегеля и проблема социальной ответственности. - Петров М.К. *Историко-философские исследования*. - М.: РОССПЭН.

Подвластная наука? Наука и советская власть. 2010. - Сост., научн.ред. С.С.Неретина, А.П.Огурцов. - М.: Изд.во «Голос».

Савчук В. 2004. *Режим актуальности. Актуальная философия*. - Спб: Издательский дом СпбГУ.

Семина В. 2009. Рабочие записки. - *Знамя*. - № 3 Доступ: <http://magazines.russ.ru/znamia/2009/3/se11.html>

Следзевский И.В. 1997. Эвристические возможности и пределы цивилизационного подхода. - *Цивилизации*. - Вып.4. - М.

Столович Л. 1997. Смех против тоталитарной философии. - *Звезда*. - № 7.

Утехин И. 2004. *Очерки коммунального быта*. - М.: ОГИ.